

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ ТРУДА НА ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ*

Рогожникова Варвара Николаевна
к.ф.н., научный сотрудник
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

Среди других онтологических проблем экономики – таких как пространство и время, картина мира, объекты экономической науки – язык экономики занимает важное место. Язык современной экономической науки описывает ту картину экономической действительности, которая сложилась в науке в настоящий момент. Представления об индивиде – экономическом агенте – являются частью общей экономической картины мира и играют ключевую роль в любой экономической теории. На их основе формируется рабочая модель человека в экономике. С нашей точки зрения, существует определенное несоответствие между представлениями о человеке в неоклассической экономической теории и тем, как описывается человек на языке современной экономики труда. Предмет данной статьи – язык современной экономики труда как инструмент описания человека в экономике и действенная сила изменения экономической реальности. Гипотезой исследования выступает предположение о том, что язык современной экономики труда более реалистично описывает человека как часть экономической действительности, чем это делает неоклассическая экономическая теория в широком смысле слова. Цель нашего исследования – сравнить два этих представления о человеке и попытаться объяснить, почему существует такой разрыв.

Ключевые слова: человек, язык, экономика труда, неоклассическая экономическая теория.

JEL коды: A1, J01, J08.

1. Язык как онтологическая проблема экономической науки

Онтологические проблемы экономики – такие, как экономическая картина мира, пространство и время в экономике, язык экономической науки – являются важнейшим предметом философии экономики. Любая специальная наука описывает ту часть действительности, которую она изучает – социальную, психологическую, физическую, экономическую и т.п. Любая наука выделяет из множества существующих те объекты, которые становятся предметом ее изучения, описывая их структуру и изменения, которые с ними происходят. Для того, чтобы описать предмет своего изучения, любая наука использует язык – «исторически сложившуюся систему звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующую ра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №18-010-00686
Рогожникова В.Н., e-mail: veselial@mail.ru

боту мышления и являющуюся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 917). В то же время язык науки – это «способ возникновения и бытия научного знания как определенной реальности» (Швырев, 2010), и в этом смысле язык экономики является точкой пересечения онтологической и гносеологической проблематики экономической науки.

Мы полагаем, что есть по крайней мере четыре причины, по которым необходимо изучать язык экономики:

1) знание языка разных экономических теорий формирует у исследователя умение выделять различные аспекты экономической действительности и размышлять над ними в разных теоретико-методологических регистрах;

2) существует взаимовлияние экономических представлений о мире и языке, которым эти представления описываются – как видно на примере языка неоклассической экономической теории, экономическое мышление проникает и в неэкономические сферы жизни, меняя представление о социальной действительности;

3) в формировании языка экономической теории огромную роль играет практика экономических отношений, например, экономическая политика в области труда, поскольку при ее осуществлении обычно руководствуются принципами, направленными на реализацию определенных социально-политических установок;

4) поскольку экономическая действительность включает в себя в качестве объектов не только события, процессы, ситуации, экономические объекты (фирмы, государства), но и экономические субъекты, мы полагаем, что язык экономической теории оказывает влияние на то, как экономисты описывают субъект экономики – в данном случае, индивида.

Поскольку одной из особенностей экономической науки является сосуществование различных, иногда противоречащих друг другу теорий, язык экономики не является единым, и, хотя разные теории могут использовать одинаковые понятия (например, капитал в марксизме и капитал в неоклассической экономической теории), следует всякий раз уточнять значение употребляемых терминов. Язык экономики также носит междисциплинарный характер, заимствуя термины из философии, права, биологии, психологии, социологии, физики и других наук. Кроме того, экономисты пишут научные работы и общаются между собой, используя естественный язык, на котором общаются обычные люди. Существенную роль в описании экономической действительности играет математика, которую можно рассматривать как универсальный язык, используемый не только во всех науках, но и в искусстве и повседневной жизни.

Все эти особенности языка экономики присущи и языку экономики труда. Экономика труда описывает экономическую действительность с точки зрения трудовых отношений, которые занимают центральное место в жизни большинства людей. Это значит, что экономика труда описывает и человека, его место в экономической действительности; при этом экономика труда опирается на уже существующие в экономической науке представления о человеке. С другой стороны, поскольку важнейшим аспектом экономики труда является экономическая политика в области труда, эффективность такой политики определяется не только успешным применением разработанной теоретиками и методологами модели человека, но и корректировкой этой модели в соответствии с реальными трудовыми процессами. Последние

тесно связаны с актуальной социально-экономической и политической повесткой дня, а также с культурными, этническими и другими особенностями тех регионов, в которых реализуется данная повестка.

Стремясь реализовать цель нашей работы – объяснение различий между представлением о человеке, существующем в неоклассической экономической теории, и представлений о человеке, вырабатываемых современной экономикой труда, мы наметили следующие задачи: сформулировать основные подходы к изучению языка экономической науки; определить специфику экономической онтологии и ее отражения в языке современной экономики труда; сформулировать основные параметры описания человека в современной неоклассической экономической теории и в современной экономике труда и сравнить эти подходы; определить различия между человеком, каким его описывает экономика труда, и моделью человека в неоклассической экономической теории, а также сформулировать причины такого различия.

В работе мы используем: 1. Сравнительный метод, который позволяет: а) сравнить различные подходы к пониманию проблемы языка экономической теории; б) сравнить представление о человеке в неоклассической экономической теории и в современной экономике труда. 2. Системный подход, благодаря которому мы выявляем ключевые понятия, используемые в современной экономике труда для характеристики индивида – экономического агента трудовых отношений, а также выстраиваем целостное представление о человеке в современной экономике труда.

Мы формулируем следующую гипотезу нашего исследования: представленный в языке современной экономики труда образ человека более реалистичен, чем существующая в неоклассической экономической теории рабочая модель человека; парадоксальным образом теория экономики труда на теоретическом уровне принимает во внимание скорее неоклассическую модель человека, а политически (конкретно) основывается на более реалистичном представлении о человеке. Этот парадокс может быть причиной проблем в современной экономической политике в области труда.

2. Основные подходы к изучению языка экономической науки

С нашей точки зрения, в современной научной литературе можно выделить несколько подходов к изучению языка экономической науки.

Во-первых, это лингвистический подход к анализу языка экономической науки. Здесь язык рассматривается как система знаков, отражающая в человеческом сознании переживаемую им действительность (Каримова, 2015), что, в частности, позволяет говорить об отношении человека к труду (Моисеева, 2016) или выстраивать классификации терминов, отражающих специфику той или иной профессиональной области (Башкирова, Шарапова, 2017). Лингвистический подход не является основой нашей работы, но без него сложно обойтись, объясняя различия между неоклассическим (неолиберальным) представлением о человеке и тем образом человека, который складывается в современной экономике труда.

Во-вторых, это исследование языка экономики как инструмента убеждения. Данное направление исследований представлено, прежде всего, в работах Д. Макклоски и А. Кламера, в России – в работах Д.Е. Раскова. Основная идея работ этих авторов заключается в том, что язык, используемый экономистами, является инструментом убеждения в истинности их концепций. Так, использование метафор, а также терминологии из других дисциплин позволяет прояснить отношение между экономической теорией и практикой, обосновать новые подходы в экономической науке (Расков, 2010). А. Кламер (2015) подчеркивает необходимость преодоления «риторических разрывов» между экономистами и реальным миром, возникающих из-за приверженности экономистов «эконоречи», которую никто, кроме них, не понимает (а часто экономисты не понимают и друг друга). Это направление, отмечает Д. Макклоски (2015), является не философской, а филологической дисциплиной. В основе своей это так, но можно с уверенностью сказать, что риторика экономической науки основывается на лингвистическом анализе экономического языка и делает некоторые выводы об идеологическом содержании экономических теорий. Да, здесь язык не рассматривается как инструмент описания человека в экономике, но в реальности определенные риторические приемы используются политиками и экономистами, чтобы убедить нас, например, в том, что движущей силой экономического развития является человек, обладающий определенными характеристиками.

В-третьих, проблема языка рассматривается в контексте дискурса современной экономической науки – определенного образа мышления и речи, часто связанных с идеологией (например, с неолиберализмом). На основании того, как строится дискурс, можно сделать вывод о том, какие представления о действительности разделяет говорящий (пишущий). Кроме того, оформляясь в дискурс, язык демонстрирует свою способность не только формироваться под влиянием социально-экономических и политических процессов, происходящих в социуме, но и влиять на эти процессы. Дискурс и представления об экономической действительности тесно связаны, в частности, такой характеристикой, как плюральность: существует столько дискурсов, сколько идей об экономической действительности (Томашевская, 2006, 2007; Евтушина, Ковальская, 2014; Крысов, 2010; Солодовникова, 2017; Greenhalgh-Spencer, 2017). Можно сказать, что данный подход, который мы можем назвать дискурсивным анализом современной экономической науки, является логическим продолжением и развитием двух предыдущих подходов.

Отмечая специфику экономического дискурса, Т.В. Солодовникова дает ему такое определение: «логически выстроенная система рассуждений и доводов, основанная на общенаучных, социально-философских, исторических и политологических парадигмальных установках» (Солодовникова, 2017, с. 84). Правда, она имеет в виду прежде всего научный дискурс, но очевидно, что и политико-экономический дискурс укоренен в неэкономической реальности. Кроме того, это определение необходимо дополнить, в том числе содержательно: экономический дискурс – это логически выстроенная система рассуждений и доводов по вопросам производства, воспроизводства, распределения и потребления благ, основанная на социально-философских, исторических, политических и культурных парадигмальных установках. Одной из основных целей так понимаемого экономического дискурса является «формирование определенного отношения к различным изменениям и побуждению к определенным действиям» (Евтушина, Ковальская, 2014, с. 44).

Таким образом, можно выделить три основных подхода к изучению языка экономической науки: лингвистический анализ, риторика экономической науки и дискурсивный анализ экономической науки. С нашей точки зрения, справедливым будет сказать, что эти подходы применимы и к анализу языка экономики труда, но мы будем использовать преимущественно третий подход, поскольку он позволяет, во-первых, сочетать все три подхода, а во-вторых, наиболее полно реализовать цель нашей работы.

3. Онтология экономики и ее отражение в языке экономики труда

Как мы отмечали выше, язык экономической науки описывает и меняет экономическую (и не только) реальность. Но как в экономическом языке и, в частности, в языке экономики труда, представлена эта реальность? Это можно определить на основе проанализированных нами работ, исследующие разные экономические онтологии.

Так, в работе А. Juska, Ch. Woolfson (2016) рассматривается онтология трудовых отношений «работник – работодатель (бизнесмен)» в контексте реформы трудового кодекса в Литве и моральное оправдание этой реформы в ряде экономико-политических дискурсов. М. J. Dutta (2017) изучает онтологию экономического рынка с точки зрения дискурса власти на примере современной Индии. J. Maesse (2017) исследует онтологию современного экономического университета (на примере Германии и Британии) сквозь призму новых властных отношений академической элиты и тех, кто в нее не входит. В. Spotton Visano (2019) пишет о современном образовании как части экономической (рыночной) действительности. I. Roderick (2016) исследует онтологию рабочего пространства, в частности, его дизайн и обстановку и их влияние на представленность мужчин и женщин на рынке труда. Н. Greenhalgh-Spencer (2017) исследует сферу информационных технологий с точки зрения представленности в ней женщин как рабочей силы и т.д.

Как видно, авторы разных работ описывают различные сферы экономической реальности, соответствующие проблеме, изучаемой тем или иным автором. Эти наблюдения, с нашей точки зрения, подтверждают не тезис об отсутствии единой экономической реальности, как утверждают представители дискурсивного подхода к анализу языка экономической науки, а скорее сложность этой реальности. Действительно, практически невозможно описать современную экономическую реальность в ее полноте в пределах одной научной работы, но можно выделить основные структурные элементы и взаимосвязи этой реальности, поскольку мы о ней говорим. Если же исходить из того, что существуют лишь различные конструкции этой реальности, никак между собой не связанные, то под вопрос встает сам предмет экономической науки.

Интересно, что сфера труда сама по себе является как бы микросрезом всей экономической реальности, поскольку именно в экономике труда становится ясно видна взаимосвязь и взаимозависимость таких важнейших структурных элементов экономической реальности, как собственно экономические процессы, социальные, политические процессы, историко-культурные условия их протекания, психофизиологические и гендерные особенности вовлеченных в труд индивидов и т.д. Быть может, причина тому коммуникативная природа труда (Virno, 2000).

С нашей точки зрения, несмотря на то, что каждый исследователь, работающий с проблемами экономики труда, описывает частную картину реальности в этой сфере, можно выделить основные характеристики современной экономической реальности, с которой эти исследователи имеют дело. Эта картина мира сегодня задается в политике принципами неолиберализма, а в экономике – принципами неоклассической экономической теории. Большинство авторов проанализированных нами статей критически относятся к этим принципам. Итак, современная экономическая реальность описывается следующими характеристиками:

1. Экономизация общества, культуры, политики (Juska, Woolfson, 2016).
2. Превращение человека в товар и/или в предприятие (Tschirhart, 2015).
3. Экономизация образования и академической науки (Maesse, 2017; Spotton Visano, 2019).
4. Рыночная трактовка свободы и возможностей (Dutta, 2017).
5. Разрыв между работником и работодателем (Juska, Woolfson, 2016), между академической «элитой» и периферией (Maesse, 2017), между мужчинами и женщинами (Roderick, 2016; Greenhalgh-Spencer, 2017; Mills, 2017), между молодыми и пожилыми (Juska, Woolfson, 2016) и т.д.

В широком смысле слова онтология современной неоклассической экономической науки описывает экономику как преимущественную сферу деятельности и интереса и работника, и работодателя, игнорируя или недооценивая другие характеристики реальности. Культура, историческое прошлое, ценность человека вне зависимости от его пола, происхождения, возраста, талантов и других характеристик – все эти неотъемлемые факторы социальной жизни оказываются позабыты, когда речь идет об эффективности и деньгах.

Авторы проанализированных нами статей, в особенности те, кто пишет о современных экономических дискурсах, обычно выделяют и характерные риторические приемы, используемые политиками и экономистами-экспертами в процессе продвижения неолиберальных идей. Собственно, речь и идет о специфических дискурсах, формируемых политическими и экономическими акторами и призванных, в свою очередь, формировать нужное отношение к реформам у обычных людей. Впрочем, как отмечает J. Mills (2017), «провалы» неолиберализма порой неплохо коррелируют с местными предрассудками в отношении, например, самостоятельных женщин в Азии (Таиланде), которых местное население, особенно в сельских районах, склонно считать порочными за их амбициозность и мобильность.

К риторическим приемам неолиберального дискурса можно отнести следующие (см. Juska, Woolfson, 2016; Maesse, 2017; Spotton Visano, 2019):

1. Использование по видимости объективных терминов в публикациях и выступлениях, оправдывающих неолиберальную политику и реформы (эффективность, сокращение затрат и т.д.).
2. Избегание сложных тем и дилемм проводимой политики (цена эффективности для работников, распределение прибыли между работниками и работодателями и т.д.).
3. Перенос понятия внутрифирменной эффективности на региональный, национальный, международный уровни.

4. Использование конфликта поколений для обозначения приоритетов политики, в том числе в сфере труда (стране нужны молодые, мобильные, технически подкованные специалисты).

5. Метафора гибкого рынка труда связывается с идеей баланса гарантий занятости (в социальной поддержке нуждаются только те, кто не может адаптироваться к новым реалиям).

6. Принимая новые законы, их защитники ссылаются на практику, а не на существующие законы (которые далеко не всегда соблюдаются бизнесом).

Исследователи называют дискурсы, использующие эти приемы, либерализацией (неолиберализмом), конкурентностью, модернизацией, порядком элитизма, рыночной эмансипацией, сексизмом, патриархатом. Все эти дискурсы (или подвиды одного дискурса) используются и в сфере труда.

Если неолиберальный дискурс отражает экономическую реальность упрощенно, не учитывая влияние на нее других, неэкономических факторов, но авторы проанализированных нами работ, напротив, стремятся разнообразить этот дискурс на основе других методологических подходов, не опирающихся на неоклассическую экономическую теорию. Эти альтернативные методологические подходы различны и между собой не пересекаются, но, как мы полагаем, могут быть использованы не только для исследования тех проблем, о которых пишут данные авторы. Среди таких подходов следует выделить несколько наиболее интересных и перспективных:

1. *Дискурсивный институционализм* исследует определенные дискурсы в контексте определенных реформ или событий, что дает возможность понять, «каким образом и почему дискурсивные действия изменяют ход конкретных политических процессов или каким образом конкретные дискурсы соотносятся с давними институциональными различиями между странами» (Wueest, Fossati, 2015, p. 709). Результатом применения данного метода выступает обоснование взаимосвязи политических и институциональных процессов, поэтому метод может быть использован для широкого ряда проблем в области экономики труда.

2. *Многомодальный критический анализ дискурса* позволяет не только выявить, как социальная реальность представлена в текстах, но и определить, как идеологии и дискурсы, конституирующие социальную реальность, включаются в окружение нашей повседневной жизни (см. Roderick, p. 389). Данный метод можно использовать в процессе анализа конкретных реформ в сфере труда и при этом выйти на важные обобщения.

3. *Методологический плюрализм* (Spotton Visano, 2019), позволяющий создавать альтернативные неоклассике подходы, в частности, к пониманию целей и содержания образования. Известный со времен П. Фейерабенда подход применим и в сфере анализа экономической политики в области труда, поскольку позволяет переосмыслить ее цели и содержание.

4. *Дискурсивная политическая экономия экономики* основана на критико-конструктивистской методологии М. Фуко и П. Бурдьё. Объект здесь (в частности, рейтингование в университетах) изучается в контексте сложной среды (система технологий, или порядок), в которой оно применяется. Дискурсы понимаются как «упорядочивающие практики, включающие классификации» (Maesse, 2017, p. 913). Данный метод может быть использован для анализа конкретных политических мер в сфере труда, чтобы посмотреть, например, какую новую реальность (иерархию) создают эти меры.

5. *Диалектический метод*, в частности в интерпретации советского марксиста В.Н. Волошинова, рассматривавшего реальность сквозь призму взаимосвязи языка, класса и идеологии (Juska, Woolfson, 2016). Этот метод может быть успешно применен там, где нужно разобраться в противоречиях, присущих современной экономической политике в области труда, например, в отношениях работодателя (государства, фирмы) и работника (профсоюза).

Общей чертой этих подходов является стремление учитывать включенность экономических процессов в более широкое поле взаимодействия идеологии (политики), культуры, истории, социальных, демографических и других процессов и факторов, что позволяет выйти и за пределы узкоэкономического понимания индивида как части экономической действительности и субъекта трудовых отношений.

4. Образ человека в неоклассической экономической теории и в современной экономике труда

В отношении формируемого в современном экономическом дискурсе образа человека можно отметить два основных момента. Во-первых, авторы проанализированных нами статей прямо или, чаще, косвенно, описывают то представление о человеке, которое формируется в рамках неолиберального экономического дискурса. Во-вторых, сами авторы, несмотря на критичное отношение к этой модели человека, не предлагают никакой целостной альтернативы и не обобщают те представления о человеке, на которые они сами опираются или которые они стремятся обосновать.

Выявить эти представления возможно, однако, с нашей точки зрения, эти представления не могут быть «собраны» в модель. Скорее, они являются пространством сборки реального современного человека – представителя той более широкой реальности, которая определяет в том числе экономический дискурс. Эти представления носят междисциплинарный характер: в них присутствуют психологические, социальные, личностные, физические и другие характеристики индивида, которые: а) определяют реакцию реального человека (работника) на экономическую политику; б) определяют последствия, к которым приводят определенные политические меры в сфере труда; в) должны быть учтены как на стадии теоретической разработки трудовых реформ, так и в процессе реализации экономико-политических решений. В современной экономической теории (неоклассике), равно как и в экономической политике, в сфере труда чаще всего эти характеристики не учитываются или недооцениваются.

Проанализированные нами работы позволяют реконструировать образ человека, формирующийся в современном неолиберальном экономическом дискурсе (см. Juska, Woolfson, 2016; Dutta, 2017; Greenhalgh-Spencer, 2017; Maesse, 2017; Mills, 2017; Spotton Visano, 2019):

1. Экономический агент обычно является мужчиной или мужским коллективом.
2. Он молод, здоров и полон сил.
3. Образован, в том числе знает современные технологии и постоянно ими пользуется.
4. Самодостаточен, самостоятелен, мобилен и часто не обременен семьей.

5. Трудолюбив, знает, что такое эффективный труд и предпочитает гибкую занятость.
6. Любит риск и готов его принять.
7. Рационально распоряжается своей свободой (умеет себя продать).
8. Знает и реализует свои возможности, связанные с зарабатыванием денег.
9. Конкурирует с другими, потому что это здорово, рационально и эффективно.
10. Знает свое место в иерархии трудовых и других экономических, политических и социальных отношений.

Можно выделить и другие характеристики, но это – основные. Как мы видим, к знакомым нам предпосылкам модели человека в неоклассической экономической теории (эгоизму, рациональности, эффективности) прибавляются определенный пол, молодость, здоровье, образованность. Мы не стали выстраивать именно *модель* человека на основе этих характеристик, потому что неолиберальный дискурс – это живой процесс, во многом выполняющий роль позитивной эвристики и защитного пояса (в терминах И. Лакатоса) для неоклассической экономической теории, пополняя в общем-то сухой перечень предпосылок модели экономического человека и превращая ее в живой образ.

За счет такого превращения к этой модели подгоняется реальный человек, например, живущий в бедности и нуждающийся в помощи. Так, организации, занимающиеся проектами развития для стран третьего мира, используют реальных нуждающихся в помощи людей для создания «риторического субъекта», обладающего эмоциональной убедительностью, в конечном итоге – бренда с личностными чертами, и эта личность должна быть такой, чтобы «резонировать с определенными клиентами» (Tschirhart, 2015, p. 249). Здесь мы видим, как именно персонализация индивида используется для дальнейшей экономизации социальной сферы и, шире, концепции развития вообще.

Альтернативная система представлений о человеке, складывающихся как в процессе анализа конкретных проблем в сфере труда и трудовой экономической политики, так и в процессе решения этих проблем, также может быть представлена в виде списка характеристик. Однако, с нашей точки зрения, важнее сформулировать ряд установок, на которых основывается эта альтернативная система представлений о человеке:

1. Для этой системы обычно не предлагается никаких «объективных принципов», кроме тех, что закреплены конституцией и отдельными национальными и/или международными актами (см., например, Fudge, 2007) – в этом смысле основа представлений о человеке остается более широкой, чем в экономизированных неолиберальных концепциях.
2. Многие авторы часто просто описывают и критикуют существующую систему и ее провалы, не предлагая в явном виде позитивную альтернативу, поэтому об этой альтернативе приходится догадываться самому.
3. Большинство авторов не предлагают никаких конкретных характеристик альтернативной модели человека, эти характеристики можно лишь вычитать из общего контекста.
4. Авторы в более или менее явном виде предлагают ряд существенных характеристик современного человека, которые необходимо учитывать как при разработке экономических теорий, так и при проведении социально-экономических реформ: раса; пол (гендер); уровень образования; возраст; стремление к уверенности в завтрашнем дне (стабильности);

необходимость баланса работы и отдыха; стремление найти работу для души; понимание свободы в более широком смысле, чем только экономический; требование уважительного отношения к себе в любой жизненной ситуации; плохое состояние здоровья (например, наличие инвалидности).

5. Исследователи не дают интегрированного образа человека, на который следует опираться при решении экономических проблем в сфере труда.

Причин такого положения может быть несколько. Абсолютное большинство авторов работают с очень конкретной «онтологией», например, рабочих окраин больших городов, сельских районов азиатских стран, университета, сферы IT и т.д., что мешает выходить на масштабные обобщения. С этим же связан и тот факт, что в своих работах авторы имеют дело преимущественно с отдельными категориями работников, например, с женщинами-предпринимателями или женщинами, работающими в сфере IT, с университетскими профессорами и т.д., что также затрудняет выход на более общий уровень рекомендаций.

Эти черты не являются недостатком научных работ; тем более, что есть и работы, написанные на более общем уровне. Так, В. Wueest, F. Fossati (2015) сравнивают дискурс трудовой политики в Европе на примере 6 стран в период с 2004 по 2006 г., выявляя три основных идеи в публичном дискурсе, посвященном проблемам политики на рынке труда: корпоратизм (организация и контроль в стране осуществляются группами, разделяющими общие интересы или профессию), неолиберализм и компенсация (мягкое дерегулирование рынка труда в сочетании с обещаниями расширения полномочий государства всеобщего благосостояния или селективной защиты определенных секторов экономики от иностранной конкуренции). Авторы отмечают, что в Европе неолиберализм лидирует на государственном уровне, а также среди нишевых фирм и в риторике христианских демократов, консерваторов и правых популистских партий. Реакцией на государственный неолиберализм является, наоборот, политика, основанная на корпоратистском и компенсационном подходах. Эти подходы позволяют взглянуть на человека с более широкой точки зрения, поскольку учитывают неэкономические факторы. Однако, несмотря на безусловную значимость этой работы, она не затрагивает проблему того или иного понимания человека в рамках выводимых авторами трех стратегий.

Бросается в глаза, что неолиберальный дискурс о человеке в экономике труда (и не только) является более целостным, продуманным и предлагает сравнительно простой и доступный инструмент для анализа и предсказания экономических процессов. В то же время альтернативные представления о человеке нуждаются в систематизации, а также в хорошем методологическом инструментарии, который позволил бы использовать именно этот образ человека в качестве исходной точки для теоретической и практической деятельности экономистов. Одной из причин сравнительной неразвитости альтернативного подхода к пониманию человека в современной экономике является разрыв между теорией и практикой в экономической науке. Очевидно, операциональность и простота модели человека в экономике – это лишь необходимый, но не достаточный критерий операциональности самой экономической теории, которая использует эту модель. Кроме того, есть и другие системные провалы неолиберальной идеологии и подкрепляющей ее неоклассической экономической теории, например, узость предлагаемого экономического мышления, стремление распространить его принципы на осмысление социальной сферы в целом. С нашей точки зрения, эти причины

рано или поздно приведут к более явному, чем сегодняшней, кризису и неоклассики, и неолиберальной экономической политики.

Экономика труда имеет то преимущество, что теории, положенные в основу экономической политики в области труда, не могут не учитывать широкий социально-культурный, исторический, политический и другие контексты, в которых эта политика реализуется. Поэтому, мы полагаем, работа специалистов, пытающихся осмыслить конкретные проблемы в сфере труда, во многом способна повлиять на системные сдвиги не только в экономике труда, и но во всей экономической науке. Однако, поскольку экономисты, работающие с практическими вопросами в области трудовых отношений и процессов, лишены качественной поддержки со стороны экономистов-теоретиков, имеет смысл выстраивать «работу над ошибками» с помощью философии и методологии экономики, которая позволит взглянуть на представление о человеке в экономике труда с более фундаментальных позиций, а также научиться разрабатывать, систематизировать и применять все более разнообразные методологические подходы к анализу трудовых отношений и процессов.

Заключение

Язык современной экономики (в том числе экономики труда) является важным инструментом описания и изменения социально-экономической действительности, а значит, позволяет выявить взаимоотношения между теорией и практикой в экономической науке. С нашей точки зрения, в современной экономической науке существует разрыв между теорией и практикой, что проявляется, в частности, в «языковом разрыве» между неоклассическим (неолиберальным) представлением о человеке и образом человека в современной экономике труда.

Существует как минимум три подхода к изучению языка экономической науки (и экономики труда): лингвистический, риторический и дискурсивный анализ. Третий подход, позволяющий наиболее полно раскрыть взаимосвязь между языком как инструментом описания экономической реальности и инструментом ее изменения, с нашей точки зрения является наиболее соответствующим цели нашего исследования.

Эта цель заключалась в объяснении различий между представлением о человеке, существующем в неоклассической экономической теории, и представлений о человеке, вырабатываемых современной экономикой труда. В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Различия между образом человека в неоклассической экономической теории и в современной экономике труда заключаются в том, что неоклассика формирует более четкий и простой образ человека за счет вынесения за скобки многообразия характеристик реального индивида и характеристик конкретной экономической проблемы, а экономика труда предлагает более реалистичное и целостное представление о человеке, если задаться целью самостоятельно его собрать.

2. Неоклассика в процессе формирования образа человека использует преимущественно один (свой собственный) методологический подход, в то время как экономика труда использует разные подходы (институциональный, марксистский или диалектический, дис-

курсивный анализ и т.д.). В этом заключаются и слабость, и сила как неоклассики, так и экономики труда. Один метод позволяет под все теории подвести единый фундамент, но не учитывает контекста частных экономических проблем. Множество разных методов хорошо решают частные проблемы, но не дают общего подхода к экономическим проблемам.

3. Неоклассическая экономическая теория благодаря единству метода и единоначалию теории описывает часть экономической действительности как целое этой реальности и даже выдает это описание за описание всей социальной реальности. Напротив, экономика труда не предлагает систематизировать разрозненные, но на самом деле имеющие общее основание представления об экономической действительности, но исходит из важной идеи о том, что экономическая жизнь – часть социально-культурной реальности.

4. Экономическая политика в сфере труда во многих случаях реализуется на основе предпосылок неоклассической экономической теории, хотя анализ производимых реформ ясно показывает неудовлетворительность неоклассического подхода и необходимость более широкого взгляда на экономические процессы. Отсюда конфликт двух образов человека в современной экономике: один образ (модель) формируется теоретиками, другой – должен формироваться теоретиками в сотрудничестве с практиками, но фактически является лишь несистематизированным собранием важнейших характеристик реального индивида. Это серьезный парадокс, мешающий развитию как экономики труда, так и экономической науки в целом.

Таким образом, экономика труда обладает существенным потенциалом в деле реформирования того представления о человеке, которое сейчас преобладает в экономической науке. Чтобы реализовать этот потенциал, экономистам, занимающимся проблемами экономики труда, следует продумать методологическое ядро их подхода к пониманию человека и обратиться за помощью к философии экономики, чтобы систематизировать существующие представления о человеке на основе расширенной онтологии экономики.

Список литературы

Башкирова О.А., Шарапова Т.Н. Классификация терминов немецкого языка в сфере охраны труда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 50–53.

Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестн. Челябинс. гос. ун-та. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 42–46.

Каримова Р.Х. Объективация концепта «труд» в немецком языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 31. 2015. С. 281–284.

Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 344 с.

Крысов В.В. Развитие экономических дискурсов: какую реальность изучает экономика. 2010. Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada11/st77.shtml>

Маккроски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.

Моисеева В.Л. Отношение человека к труду на примере фразеологических единиц русского, английского и якутского языков // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 81–86.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., допол. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

Расков Д.Е. Риторика институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 81–95.

Солодовникова Т.В. Специфика современного экономического дискурса как категории // Экономическая наука сегодня. 2017. № 5. С. 80–86.

Томашевская К.В. Концептосфера экономики в разножанровых текстах // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2. С. 359–367.

Томашевская К.В. Семантика возможных миров и судьбы макроэкономики // Проблемы современной экономики. 2007. № 2. С. 426–429.

Швырев В.С. Язык науки // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 2010. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b0e915c2276839b541a>

Dutta M.J. Discourses of Liberalization: Framing Economics // Dutta M.J. Imagining India in Discourse: Meaning, Power, Structure, Springer, Singapore, 2017. P. 25–55.

Fudge J. The New Discourse of Labor Rights: From Social to Fundamental Rights? // Comparative Labor Law & Policy Journal. 2007. Vol. 29. P. 29–66.

Greenhalgh-Spencer H. Reproducing the Motherboard: The Invisible Labor of Discourses that Gender Digital Fields // Studies in Philosophy and Education. 2017. № 36. P. 33–48. DOI 10.1007/s11217-016-9540-5.

Juska A., Woolfson Ch. The moral discourses of ‘post-crisis’ neoliberalism: a case study of Lithuania’s Labour Code reform, in Critical Discourse Studies. 2016. 14:2. P. 132–149, DOI: 10.1080/17405904.2016.1213178.

Maesse J. The elitism dispositif: hierarchization, discourses of excellence and organizational change in European economics // High Education. 2017. № 73. P. 909–927.

Mills M.B. Gendered Morality Tales: Discourses of Gender, Labour, and Value in Globalising Asia // The Journal of Development Studies. 2017. Vol. 53:3. P. 316–330. Mode of access: <https://doi.org/10.1080/00220388.2016.1184251>.

Roderick I. Representing affective labour and gender performativity in knowledge work: a multimodal critical discourse analysis // Gender and Language. 2016. Vol. 10:3. P. 386–411.

Spotton Visano B. Defying the dominant discourse: why contesting neoliberalism needs critical pedagogy in economics education // Critical Studies in Education. 2019. Vol. 60. No. 3. P. 321–339.

Tschirhart Ph. (Re)imagining Poverty: A Critical Visual Analysis of the Communicative and Affective Labor of Gendered International Development Discourses // Critical Studies in Media Communication. 2015. Vol. 32:4. P. 240–255, DOI: 10.1080/15295036.2015.1084014.

Virno P. Labour and Language // Lexicon of Postfordism // Ed. by Fadini and Zanini, Feltrinelli. Milan, 2001. Mode of access: <http://www.generation-online.org/t/labourlanguage.htm>

Wueest B., Fossati F. Quantitative discursive institutionalism: a comparison of labour market policy discourse across Western Europe // Journal of European Public Policy. 2015. Vol. 22:5. P. 708–730, DOI: 10.1080/13501763.2014.976834.

PERCEPTION OF LABOR INDIVIDUAL IN THE TERMINOLOGY OF THE MODERN ECONOMIC SCIENCE

Varvara N. Rogozhnikova

Ph.D., Research scientist,

Lomonosov Moscow State University,

Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Abstract

Among other ontological problems of economics – such as space and time, picture of economic reality, objects of economic science – the language of economics takes an important place. The language of modern economic science describes the picture of economic reality that has developed in science at the moment. Perceptions of the individual (an economic agent) are part of the overall economic picture of the world and play a key role in any economic theory. On the basis of these perceptions, a working human model in the economics is formed. In our view, there is a certain discrepancy between the working human model in neoclassical economic theory and the image of economic individual in the language of modern labor economics. The subject of this article is the language of the modern labor economics as a tool for describing economic individual and the effective force of changing economic reality. The hypothesis of this research is that the language of modern labor economics describes economic individual more realistically as part of economic reality in the broad sense of the word than neoclassical economic theory does. The purpose of our study is to compare these two perceptions of economic individual and to try to explain why such a gap exists.

Key words: economic individual, the language, labor economics, neoclassical economic theory.

JEL codes: A1, J01, J08.